

УДК 2-78 (575.2) (04)

ПРАВОСЛАВНОЕ ОБНОВЛЕНЧЕСТВО В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Е.А. Михайлова

Рассматриваются возникновение, реформы и деятельность обновленческого движения на территории Средней Азии в начале XX века.

Ключевые слова: революция; реформы; церковь; обновленцы; тихоновцы.

Обновленчество – это движение, возникшее внутри Русской православной церкви после Октябрьской революции 1917 года. Оно фактически стремилось создать особую церковь “коммунистического христианства” и идейно примкнуть к Советской власти [1, с. 90].

В мае 1917 года вышло два номера журнала “Живая церковь” под редакцией С.В. Калиновского со статьями епископа Антонина, священников А.И. Введенского, В.Д. Красницкого и бывшего обер-прокурора Синода В.Н. Львова. Смысл обновленческого движения, как писал В.Д. Красницкий во втором номере “Живой церкви”, журнал видел в освобождении духовенства “от мертвящего гнета монашества, оно должно получить в свои руки органы церковного управления и непременно получить свободный доступ к епископскому сану”.

С самого начала в обновленческом движении не было единства. 29 мая 1922 года в Москве была создана группа “Живая Церковь”, которую 4 июля возглавил протоиерей Владимир Красницкий. В августе 1922 года епископ Владикавказский Антонин, председатель Высшего Церковного Управления (ВЦУ), организовал отдельный от ВЦУ “Союз церковного возрождения” (СЦВ), который видел свою опору не в клире, а в мирянах – единственном элементе, способном “зарядить церковную жизнь революционно-религиозной энергией”. Устав СЦВ обещал своим последователям “самую широкую демократизацию Неба, самый широкий доступ к лону Отца Небесного”. Александр Введенский и Александр Боярский, в свою очередь, организовали “Союз общин древлеапостольской Церкви” (СОДАЦ). Появилось множество и иных, более мелких церковно-реформаторских групп [2, с. 131].

Провозгласив необходимость “демократических реформ”, призванных сблизить православие с “революционным народом” (упрощение структур церковного управления, возрастание роли приходской общественности, разрешение епископам жениться, а священникам вступать в брак более одного раза, сокращение и переложение на русский язык богослужения и др.), обновленцы полагали, порой вполне искренне, что тем самым возвращаются к “чистоте первохристианства”. Однако их деятельность, развернувшаяся на фоне беспощадных гонений на церковь и травли ее главы патриарха Тихона (которого обновленцы поспешили объявить “низложенным”), сплошь и рядом оборачивалась угодничеством перед атеистическим режимом [3, с. 67].

Эти бурные события церковной жизни послеоктябрьских лет не могли не коснуться православных верующих Средней Азии. Во многом эти проблемы были связаны с утратой церковью своего привилегированного положения в государстве, с национализацией всего церковного имущества, в первую очередь, земельных владений и с репрессивной политикой государства в отношении мирян и духовенства. Декретом Советской власти от 23.01.1918г. было установлено отделение Церкви от государства и школы, что существенно ограничило ее возможности влиять на мировоззрение населения, в том числе молодежи [4, с. 84].

Отношение православных священнослужителей Средней Азии к революции было далеко не однозначным. В среде духовенства Туркестанской епархии выделилось так называемое староцерковное направление (“тихоновцы”) во главе с митрополитом Иннокентием, который объявил Туркестанскую епархию автокефальной (самоуправляемой) и направление новоцерковное (оно

же живоцерковное или обновленческое) во главе с “епископом” Николаем (Кобловым) [4, с. 88].

Митрополит Иннокентий сначала ВЦУ не признал, но внезапно оставил Ташкент, уехал в Москву и признал правомочность ВЦУ, т.е. стал обновленцем. В епархию в сане архиепископа он уже не возвращался [3, с. 131]. В свою очередь, обновленческий епископ не упускал случая продемонстрировать свою приверженность Советской власти и давал такого рода характеристику возглавляемому им направлению: “Опыт показал, что и церковная “революция” может совершаться тем же путем, каким совершается гражданская, т.е. путем полной пролетарской изоляции церковного управления”. Разумеется, ничего подлинно революционного, пролетарского в преобразованиях богослужения не было, но постоянно декларируемая обновленцами лояльность к Советской власти привела, в конце концов, к тому, что решением Советского правительства все храмы в Средней Азии были переданы в распоряжение обновленческой церкви. Что же касается представителей “старой” церкви, то на их упорное нежелание становиться на путь модернизации государство отвечало принудительными мерами, обвиняя их в антисоветской деятельности.

Характеризуя положение Православной церкви в начале 20-х годов, новоцерковный митрополит Николай (Коблов) писал: “В данный момент мы уже не имеем церковных группировок, а имеем налицо две силы: правящая церковь, управляемая синодом и написавшая на своем знамени “обновление церкви”, и “тихоновщина”, девиз которой – “назад, в допетровскую Русь”, вокруг монарха, если не светского, то духовного” [4, с. 93].

Постепенно на сторону обновленцев переходило все большее число священников среднеазиатской епархии. Для противодействия “обновленцам” местные православные создали в 1923 г. “Союз церковных приходов”, устав которого решительно отвергал обновленческое направление и всю их деятельность. Если поначалу некоторая часть верующих, увлеченная идеями социалистического христианства, пошла к обновленцам, то в течение 1923–1927 гг. начался отток прихожан из их храмов. Советский исследователь православия Н.С. Гордиенко со ссылкой на “Вестник Св. Синода” пишет: “Обновленцы теряли один приход за другим” и далее приводит цифры, показывающие, что если в 1924 г. на стороне обновленцев было больше половины приходов, то в 1926 г. их

оставалось 6245 из 28 743, т. е. одна пятая [3, с. 59].

Храмы обновленцев пустовали, прихожане не шли к ним из-за русского языка богослужения, из-за перехода на новый календарный стиль, из-за их неканонического и непривычного образа жизни. Как упоминалось выше, у живоцерковников были женатые епископы, они брились, коротко стригли волосы и откровенно сотрудничали с властями, принимая участие во всевозможных митингах и диспутах. Сам митрополит Николай (Фролов) без смущения оглашал те прозвища, которыми называли обновленцев: “...коммунисты галифе, серп и молот на митрах, звезды на ризах, револьверы на престолах, “пустые чаши” и прочие безумные глаголы...” [4, с. 94]. **Каким-то образом** митрополит признавал не самое выгодное положение “Живой церкви” в миру.

По прибытии в Ташкент из Москвы митрополит Николай (Фролов) предложил следующие внутренние реформы: “Проводить в жизнь идею бесплатного священства через бесплатное совершение, если не всего служения, как это должно по повелению Христову, то важнейшие таинства – крещение и причастия. Проводить в жизнь идею трудового священства путем занятия сельским хозяйством, особенно – пчеловодством, токарным, столярным делом и прочей культурой лекарственных растений, устройством садов и огородов. Стремиться к поступлению в кооперации, кредитные товарищества, сельскохозяйственные общества и не ограничиваться одной храмовой работой, а выйти на культурную работу, как-то: беседы по сельскому хозяйству, по медицине и гигиене, астрономии и литературе, промышленности, прикладным знаниям, на работу по борьбе с пьянством и по ликвидации безграмотности” [4, с. 94]. Митрополит настойчиво пытался внедрить в духовную сферу Средней Азии веяния Советской власти, но при этом внедрение не давало ожидаемых результатов.

Для того чтобы на приходы назначались обновленческие священники, власти проводили огромную работу с епископатом, который вынуждали переходить в “Живую церковь”. Эта работа была особенно успешной во время ареста патриарха Тихона в 1922–1923 гг.

В Ташкенте среди священников, оставшихся верными патриарху Тихону, особенно выделялись своими пламенными проповедями и большой организаторской работой хирург Валентин (Войно-Ясенецкий) – будущий архиепископ Лука, о. Михаил Андреев и находившийся в туркестанской ссылке епископ Уфимский Андрей

(Ухтомский) [5, с. 54]. Они собирали священство для упорядочения жизни епархии, оставшейся без архиерея, для разъяснения сущности “Живой церкви” [6]. Храмы им сберечь не удалось, но вот православную паству – да [7, с. 131]. Показательно, что представители православного духовенства иногда и сами бежали в этот край, где репрессии были не такими жестокими, как в центральных областях.

Стоит заметить, что упомянутый выше декрет “Об отделении церкви от государства и школы от церкви” и принятый несколько позже декрет “О свободе совести и церковных религиозных обществах” на местах зачастую грубо нарушались. Многие церкви закрывались, причем с каждым годом все в большем количестве, аресты священников не прекращались. Права верующих не соблюдались, и более того, органы власти, вопреки указанным декретам, все более грубо вмешивались во внутренние дела церкви. “Живоцерковники” получили все имущество и храмы в свое пользование, а староцерковники подверглись изгнанию и даже репрессиям [4, с. 96]. В предвоенные годы во всей Средней Азии оставался только один действующий православный храм – Покровский собор в Самарканде [8].

После легализации Временного Патриаршего Синода при митрополите Сергии (Страгородском) влияние обновленчества шло неуклонно на спад. Давление на верующих было ослаблено. В 1935 г. происходит самороспуск ВЦУ [9, с. 208–211]. В 1941–1943 годах были амнистированы и выпущены из тюремных застенков многие священнослужители, стали поднимать вопрос о своей легализации православные общины, начали открываться приходы [10, с. 61]. Окончательным ударом по движению стала решительная поддержка властями СССР Патриаршей Церкви в сентябре 1943 года. Весной 1944 года происходил массовый переход духовенства и приходов в Московский патриархат; от

всего обновленчества к концу войны оставался только приход церкви Пимена Великого в Новых Воротниках (Нового Пимена) в Москве. Почти все церкви были возвращены, и уже в начале 1950-х гг. число приходов Ташкентской и Среднеазиатской епархии достигло 66 [8].

Со смертью Александра Введенского в 1946 году обновленчество исчезло полностью.

Литература

1. *Шишкин А. А.* Сущность и критическая оценка “обновленческого раскола Русской православной церкви. Казань, 1970.
2. *Шкаровский М. В.* Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века. СПб., 1999.
3. *Гордиенко Н.С.* Современное русское православие. Л., 1987.
4. *Мазуренко Е.А.* Эволюция русского православия в условиях Средней Азии: Дисс. ... канд. филос. наук. Ташкент, 1990.
5. Митрополит Ташкентский и Среднеазиатский Владимир: О первых православных приходах Туркестана // Пастырь. 2008. № 2. С. 54.
6. *Марущак Василий, протодиакон.* Святитель-хирург. Житие архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого). URL: <http://www.kerpc.ru/sacred/luka> (дата обращения: 2.03.2011).
7. *Озмитель Е.Е.* История православия в Кыргызстане, XIX – XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук. Бишкек, 2003.
8. *Крылов А.Б.* Свобода веры по-киргизски // Российский институт стратегических исследований, 05.12.2004. URL: http://religion.ng.ru/style/2004-05-12/8_kirghizia.html (дата обращения 22.11.2010).
9. *Цытин В.* История Русской Церкви. 1917–1997 // История Русской Церкви. Т. 9. М., 1997.
10. *Владимир, митрополит Бишкекский и Среднеазиатский.* Земля потомков патриарха Тюрка: Духовное наследие Киргизии и христианские аспекты этого наследия. М., 2002.